

ЕЛЕНА
ЦЫГАЛЬМАН

Белые бабочки
Сборник рассказов

- * Травы не успели
- * Зазвенели рюмки
- * Подготовка к свадьбе
- * Просто цирк
- * Ахмед и Маринка

Иллюстрации Анны Вайнмахер

16+

Елена Цыгальман
Белые бабочки.
Сборник рассказов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43645274
SelfPub; 2019*

Аннотация

Если ваше детство пришлось на застойные 70-80-е, юность – на расшатанные 90-е, а в нулевые жизнь забросила вас в другую страну, то ваши воспоминания будут резонировать с рассказами книги. Если вам довелось воровать соседскую красную смородину на даче, методом дедукции добывать запретную информацию “про это”, будучи влюблены, вы ощущали, как в вашем животе порхают белые бабочки, а прибыв в новую страну, вы, засучив рукава, брались за любую подвернувшуюся работу – то эта книга для вас.

Содержание

Глава первая	5
Травы не успели	5
Расскажи стишок	7
Смертный грех	9
Две любви и друг	12
Мама в банке	15
Переписать сценарий судьбы	17
Глава вторая	19
Зазвенели рюмки	19
Кем я мечтала стать в детстве	22
Голубая кровь	24
Мой дворик детства	27
Не в первый раз	32
Нежданный гость	34
Подем вдоль берега крутого...	36
Пытливый ум	38
Глава третья	40
Колька и	40
Подготовка к свадьбе	45
Колобки	48
Глава четвёртая	51
Ввиду равнодушия...	51
Гамарджоба	55

Глава первая

Травы не успели

Травы не успели

Ну не было тогда телефонов. Даже дома телефона не было... У соседки Полины был, у нас нет. Папа уехал в какой-то колхоз. Мне года два, наверное. Я понятия не имею, что такое колхоз и что такое телефон. Мама взяла меня за ручку, сказала, что папа звонит, и мы пошли к соседке по лестничной площадке...

Мне в руки дали какой-то холодный тяжёлый предмет и сказали: слушай, там папа. Дурацкая ситуация: все смотрят на меня, а я даже не знаю, куда слушать, и не понимаю, ну как папа может в этой штуке поместиться! Я смущена, верчу в руках эту странную штуковину, и где-то из недр её слышу родной папин голос. Я соскучилась, готова разреветься. Мама успокаивает меня, сажает на колени, Полина суёт конфету. Сладко. Мама держит эту штуку и говорит в неё, но мне не верится, что там кто-то есть, наверное, эта такая игра, решила я.

Мне года четыре... Всех детей из сада уже забрали, моих почему-то всё нет и нет. Но я не печалюсь. Наконец-то я получила солидную порцию внимания. Вокруг меня стоят три взрослых женщины и просят спеть. Я хоть и была стеснительной, но понимала, что петь надо, а то... когда ещё я получу столько внимания, как в этот звёздный час?

Я пою: «Травы, травы, травы не успели от росы серебряной согнуться, и такие нежные напевы, аа-тчего-то прямо в сердце льются...» Мои няньки в шоке – это взрослая песня, от меня такого ну никак не ожидали, они радостно цокают языками, улыбаются.

Я ни слова не понимаю из того, что пою, разве что слова «трава» и «успела» мне знакомы. Но это моя любимая песня! Просят спеть ещё и ещё. И я пою и пою про травы, которые не успели... Прибегает запыхавшаяся мама, за что-то просит извинения, а её никто не ругает, няньки весёлые, у них глаза блестят от умиления: «Она такая певица!» Мы с мамой собираемся домой, а мне жаль уходить, я хочу, чтобы меня ещё раз поставили на маленький стульчик и просили спеть, и слушали, слушали, слушали...

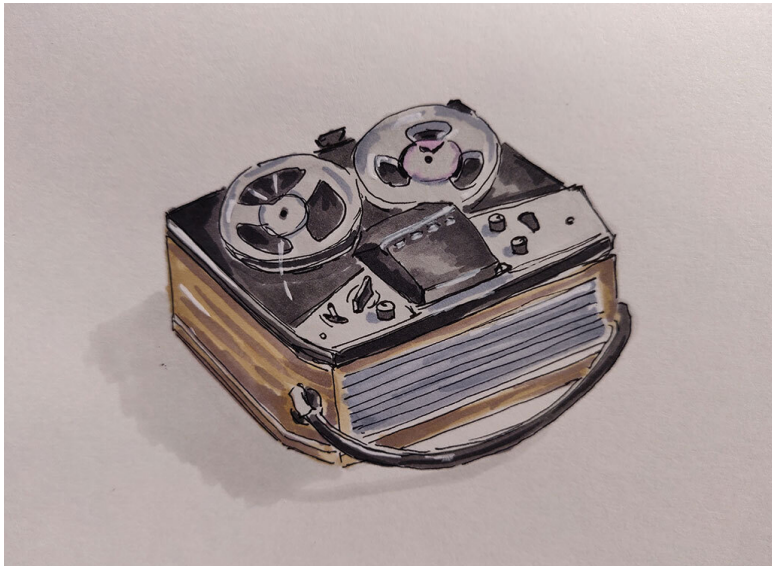
Расскажи стишок

В семьдесят четвертом магнитофон был редко у кого, это было чудо техники, волшебный ящик, редкая диковинка. У моего дяди Гриши был, он им очень гордился, и когда мы приезжали к ним в гости, он очень хотел запечатлеть мой голос на магнитной ленте.

Мне было года три. Я и так была стеснительным ребенком и в присутствии других взрослых говорила с мамой только на ушко, а моя родня хотела услышать от меня публичную речь в виде стишка. Ага, щас...

Уговаривали меня дядя Гриша, его жена тётя Соня, моя мама Галя, мой папа Максим, кто там ещё был, не помню – я молчала как партизан на допросе.

Включили запись – я не проронила ни слова, зато было ясно слышно многоголосье взрослых людей, уговаривающих меня, уж не помню какой стих произнести.

В следующие наши приезды дядя Гриша торжественно ставил магнитофон на обеденный стол после трапезы, как правило, и предлагал мне послушать себя. И я слушала...

Только себя я не слышала – ни единого звука, ни писка, ни даже попытки рассказать стихотворение, но, к моему изумлению, слышала, как все взрослые наперебой, уговаривая меня, сами читают детский стишок.

Смертный грех

Мое первое воровство датируется средней группой детского сада. Это был маленький синий кубик. Он был гладким, прямоугольным и отчаянно желанным. Не знаю до сих пор, почему я это сделала, но знаю, что отдавала себе полный отчёт в том, что делаю что-то очень нехорошее. Мне было четыре года. Синий кубик пару раз в месяц попадался мне в коробке с игрушками, и я испытывала гаденькое и неприятное чувство стыда. Да, дело сделано, кубик вернуть на место уже не представлялось возможным.

Моя вторая осознанная кража была почти невольной. Мы с племянницей-одногодкой и кем-то из взрослых ехали в автобусе. У одного из стоявших рядом с нами пассажиров была полная авоська спелых красных слив.

Вы ещё помните, что такое авоська? Это идеальный предмет для воровства из него слив! Манящие сливы хоть и были довольно крупными, но авоська была тканевая, а ткань, как известно, имеет свойство слегка растягиваться.

Сливы выглядели очень гладкими, блестящими и невероятно аппетитными, но мне бы ни за что в голову не пришла мысль их позаимствовать.

Это всё Лариска, она была сорвиголова и отчаянная хулиганка. Она змеем искушающим настойчиво шептала мне в ухо: украдём, всего по одной... И инструктировала, как ак-

курратно и незаметно вытащить пальчиками круглую сливу из авоськи. Она сделала меня подельницей и тоже стырила одну.

Сердце колотилось как муха, застрявшая между оконными рамами, и холодная слива моментально согрелась в горячем от волнения кулачке.

Вкуса самой сливы не помню. Думаю, что осознание преступности содеянного всё-таки испортило впечатление от вкушения запретного плода.

У нас был большой дачный участок. Между нашим участком и участком соседа тогда ещё не было забора. Росло у нас всё то же, что и у него... Но куста бурой смородины у нас не было. А спелая бурая смородина, знаете ли, гораздо слаще черной, которая росла у нас в изобилии. Посудите сами, как я могла бы об этом узнать, если бы не отведала пару раз её, сладкую, бурую.

Не слишком часто, но время от времени я ныряла к вождьленному кусту и лакомилась двумя-тремя ягодками, и моё мелкое воровство было совсем незаметно...

Только однажды я увлеклась. В очередной раз куст магнитом притянул меня к себе. Я рвала ягоду горстями и бросала себе в рот, совершенно позабыв об осторожности.

Сосед, видимо, оторопев от моей наглости, грозно шугнул меня, подойдя ко мне почти вплотную.

Я была готова провалиться сквозь огород, выскользнув незаметно на противоположной стороне земли; испариться,

превратившись в белое облачко, как известная героиня русской народной сказки; немедленно сгинуть без обратного адреса, но на пару секунд, показавшихся мне вечностью, я застыла, притворившись мёртвой. Спohватившись, я, застуканная врасплох и почти схваченная за руку, спотыкаясь и коря себя за оплошность, позорно улепётывала с места своего преступления, ожидая страшного суда.

Надо отдать должное соседу, благородно не ставшему выяснять отношения с моими родителями. Моя попранная репутация была спасена.

Вскоре он завёз материалы для изгороди, и с тех пор доступ для меня был заказан на веки вечные. Да и моя совесть не позволяла мне приближаться к забору ближе, чем на полметра, навязчиво и мучительно напоминая мне о смертном грехе.

Две любви и друг

Его звали Женя Цветков, не имя, а весёлое жужжание пчелы на цветочной корзинке. Он был жгучим брюнетом, у него были чёрные, как пуговицы на мамином пальто, глаза и длинные пушистые, словно кисточки для рисования, ресницы. И взгляд у него был мужественный и суровый... Особенно когда я заговорщицким тоном призналась ему, что мы поженимся, когда вырастем. Видимо, это в его планы не входило, и он тактично промолчал, при этом жёстко помотав головой из стороны в сторону. Но меня это не очень расстроило. Вероятно, он просто не знал то, в чём я была уверена, ведь мне моя мама сказала, что именно так и будет.

Вторую мою любовь звали Саша Чулков. Сашу я запомнила в длинных гольфах и с открытой широкой улыбкой. Я носила ему в кармане конфеты и печенье. Иногда фантик от тепла тела прилипал к карману, но я его отдирала и всё равно отдавала Саше. Он был рад принимать от меня дары и каждый день интересовался, не принесла ли я ему чего-нибудь. А потом мы, счастливые, катались вместе с деревянной горки.

Но он меня не любил. Я поняла это, когда мы репетировали парный танец к одному из детских праздников. То, как он

смотрел на свою партнёршу Вику, невозможно было не заметить. Вика была высокая и красивая девочка и всегда нарядно одевалась. Она была горда собой и чувствовала Сашино восхищение, поэтому так же, не отрывая взгляда, смотрела на Сашу. Они оба улыбались! Танцевали они великолепно, несмотря на то что были в основном поглощены собой, а не танцем. Воспитатели, обратив внимание на эту пару, поставили её танцевать в центре круга, украсив ими, как вишенкой, круглый торт нашего дошкольного хора.

Я внутренне негодовала от такой несправедливости, ведь Сашу прикармливала только я, а Вике Саша дарил свою распахнутую радость...

Лёша был изобретателем, исследователем и философом. У него были очки, низковатый, с хрипотцой голос и маленький рост. Я не была в него влюблена... Но Лёша был моим самым лучшим другом. Мы вместе с ним затевали исследования смородинного листа, разрезая его найденным в песке острым камешком, отчего тот источал душистый аромат. Вместе следили за неспешной траекторией движения большого чёрного муравья, создавая ему искусственные препятствия. Вместе копали в песке ямку, представляя, как мы доберёмся до противоположного края Земли, и надеялись встретить на той стороне братьев по разуму.

Когда я однажды вдруг встретила его в киноаппаратной

Дома культуры, куда я была определена на свою первую работу, я сразу его узнала. Лёша совсем не изменился! Да как такое возможно? Ведь нам было уже двадцать с небольшим хвостиком?.. Оказалось, что Лёша – инвалид. У него была проблема с гормоном роста. То есть он не вырослел, оставаясь в теле не то ребёнка, не то подростка. У него был такой же низкий, с хрипотцой голос, как тогда в детском саду. Когда я почти с порога заявила ему, что мы знакомы, он очень удивился. Мы на следующий день оба принесли одну и ту же детсадовскую групповую фотографию...

Сашу я совсем недавно нашла в сети... Было непросто узнать в высоком и статусном дяденьке того мальчика с радостной улыбкой. Но город, имя и возраст полностью совпали. И зачем я отправила ему запрос на дружбу?..

Иногда судьба сводит нас с людьми лишь на короткое время, особенно в детстве. Все эти встречи не проходят для нас безвозвратно: мы учились любить, дружить, учились тому, что любовь не всегда бывает взаимной, даже если ты отдаёшь объекту любви все свои конфеты, и не всегда то, что обещала мама, должно случиться.

Мама в банке

Мир детства соткан из образов слов. Образы выстроены фантазией ребёнка и его буквальным восприятием некоторых слов и событий. Дети видят мир другими глазами, чем взрослые, и воспринимают его через собственный ассоциативный ряд.

К примеру, слова «море» и «обморок» казались мне однокоренными, родственными. Разве обМОРОк – это не маленькое море? А лужа – это почти как море, только маленькое.

Возвращаясь с бабушкой с нашего огорода, который тогда был минутах в десяти от нашего городского дома (это так, к слову, теперь там всё застроено многоэтажками), я споткнулась и упала в лужу... Придя домой, я радостно объявила маме, что я упала в обморок! Бабушка и мама переглянулись, не сразу поняв, что я имею в виду. Когда я им всё растолковала, они, посмеявшись вдоволь над моей нелепицей, объяснили мне, что обморок – это вовсе не лужа.

Мама работала кассиром. Часто, возвращаясь домой, она рассказывала отцу, что, мол, сегодня она была в БАНКЕ... Мне неудобно было спросить, но я весьма озадачивалась тройкой вопросов: КАКОГО же РАЗМЕРА была банка? КАК, и главное, ЗАЧЕМ она туда проникала? Потом я пред-

ставляла себе огромных размеров банку и мою маму, которая там была...

С папой всегда было интересно, даже ходить на дальние расстояния. Папа сочинял в дороге стихи, и я активно участвовала и страшно радовалась, если мои подсказки были уместными и придуманное мною слово вплеталось в рифму. Иногда папа накладывал на свежеиспечённые стихи музыку, и мы шагали, весело напевая, отчего дорога становилась в два раза короче и совсем не скучной.

Переписать сценарий судьбы

Первый литературный шок пришёл ко мне после того, как взрослые прочитали мне сказку про серенького козлика. Подробные садистские описания в стихотворной форме и красочные иллюстрации (!) про оставшиеся от козлика рожки да ножки повергли меня в ужас.

Некоторое время после того как сказка закончилась, я пребывала в полной тишине, разрываемая думами о бесславно ушедшем козлике, который не слушал наставлений о нежелательном походе по лесу, в котором кишат злые волки. По щекам текли слёзы. Мой детский ум начал лихорадочно перебирать способы воскрешения из мёртвых бедного козлика.

Несмотря на то что козлик вроде как восстановлению уже не подлежал (как в сказке «Айболит» путем пришивания зайцу ножек, чтобы он опять побежал по дорожке), я всё-таки придумала, как восстановить справедливость и дать серому козлику в жизни ещё один шанс.

И я побежала за простым карандашом.

– Перепиши конец сказки, – я попыталась всучить сестре карандаш.

Она с недоумением на меня посмотрела и сказала, что, мол, ничего уже сделать нельзя. Но я не отчаивалась, потому что мой способ решения проблемы казался мне самым пра-

вильным. Я пошла к отцу.

– Папа, перепиши сказку, чтобы она хорошо заканчивалась!

Папа посмотрел на меня удивлённо, сказал, что там в книжке нет места.

Я подсказываю, мол, «вот здесь и здесь – зачеркни. Напиши, что серенького козлика волки не съели, а ему удалось вырваться из когтистых лап и убежать к себе домой».

– Хорошо, – согласился отец. – Я перепишу, только попозже, сначала пойдём пообедаем.

Конечно, злополучную сказку никто не стал переписывать. Но меня уже не мучила судьба серенького козлика. Я в мельчайших подробностях уже придумала другой сценарий сказки, позволяющий получившему жестокий урок козлику с успехом выпутаться из сложившейся ситуации и больше никогда не выходить за пределы своего огорода. Писать я ещё не умела.

Глава вторая

Зазвенели рюмки

Зазвенели рюмки

Никогда нельзя предугадать, к каким мощным последствиям, как отрицательным, так и положительным, могут привести случайно сказанное слово, высказанная вслух мысль или написанное сочинение.

Сочинение на тему «Как я встретил Новый год?» мы писали в третьем, если мне не изменяет память, классе.

Я подошла к делу основательно и с документальной точностью, в деталях описала нашу семейную встречу Нового года в гостях у семьи маминого брата.

Ничего такого особенного: просто поездка на трамвае в другой конец города, просто нарядная ёлка, игры с двоюродной сестрой, коллективный просмотр «Голубого огонька» и накрытый праздничный стол. Обычный советский Новый Год. Было весело. Очень запомнился ключевой момент празднования, когда я впервые прочувствовала, что именно в эту долю секунды и произошёл столь долгожданный переход из одного года в другой.

Разве я, будучи девятилетней девочкой, могла предпола-

гать о принятой тогда советской системе двойных стандартов, когда не всё, что ты видишь и чувствуешь, может быть предоставлено на всеобщее обозрение и тем более быть написано на официальной бумаге.

Своё сочинение я написала на черновике, перечитала и уже собралась было переписывать начисто.

Ко мне подошла моя старшая сестра. Наташа старше меня на семь лет, и «политику партии» вкупе со стратегией выживания советского школьника к тому времени она уже давно и прочно усвоила.

Сестра прочла мой черновой вариант и пришла в ужас... Кульминацией праздника, а также главной составляющей моего произведения была фраза: «Зазвенели рюмки – наступил Новый год»!

Несмотря на то что до перестроечного запрета на алкогольную продукцию и любого вида её пропаганды было ещё лет семь, упоминание рюмок в детском сочинении могло бы иметь весьма нежелательные последствия.

Наташа быстро, за каких-то пять минут, перекроила моё сочинение, опираясь на моё собственное «документальное свидетельство», и описала вышеуказанные события в удобоваримой форме, адаптированной под детскую писанину, которая могла пройти любую цензуру.

Именно этот не травмирующий психику педагогов вариант я и переписала на чистовик.

«Моё», заметьте, в кавычках, сочинение удостоилось са-

мой высокой оценки. Мне поставили пять!

Мало того, учительница прочитала его воодушевлённо и с выражением перед всем классом. Я наслаждалась своей минутой славы, хоть она была нечестной и незаслуженной. Одноклассники с завистью и восхищением поглядывали на меня...

Хотя мой перл про «звеневшие рюмки» бесславно канул в небытие, я вдохновилась первым публичным успехом, и вирус сочинительства накрепко во мне закрепился.

Я полюбила сам процесс написания сочинений, давая волю воображению, припоминая опыт и гораздо тщательнее редактируя их. С тех пор я больше никогда не получала тройку за сочинение. Русский язык и литература обрели для меня более глубокий, особый смысл. Я любила читать, но теперь я стала любить и писать. Мне казались бесценными мысли, которые внезапно приходят в голову, и я старалась их либо запомнить для последующего прокручивания в памяти, либо сразу зафиксировать. Теперь всегда, отправляясь в другой город или на школьную экскурсию, я брала с собой ручку с блокнотом, для того чтобы запечатлеть внезапно всплывающую из глубин памяти, сознания или подсознания картину или мысль.

Кем я мечтала стать в детстве

В очень раннем детстве я мечтала быть экскаваторщицей – меня завораживало, как работает экскаватор, как он загребает землю и камни своей громадной «пятернёй» и выкладывает аккуратно в нужное место. Я могла бесконечно смотреть за его работой.

Потом я мечтала стать продавцом мороженого – а кем же ещё? Ведь это ему принадлежит такое богатство – белое волшебное холодное чудо, блаженной сладостью растворяющееся во рту и дарящее настоящее детское счастье.

Как-то однажды меня очень впечатлил фильм-балет, и я стала мечтать стать балериной. Насмотревшись от души балета по телевизору, я пошла тренироваться... Закрыла на минутку глаза и представила, как я делаю в полёте шпагат и лечу, плавно приземляясь на землю. Почему-то плавного приземления не получилось, как и полёта в шпагате... Но был не очень грациозный полёт и совсем не эффектное, с грохотом, падение...

С балетом я завязала насовсем.

Моя старшая сестра хотела быть стюардессой, и тема сочинения в школе «Кем я хочу стать» застала меня врасплох. И я не стала сильно напрягаться, раздумывая, кем же я хочу быть, – решила, что буду стюардессой. Во втором классе я плохо представляла себе функции стюардесс, поэтому в со-

чинении указала только раздачу напитков, за что моё произведение было раскритиковано в пух и прах, там совершенно отсутствовала составляющая про опасность и мужество. Быть стюардессой я расхотела.

Так я и шла, класс за классом отбрасывая за нецелесообразностью ступени своих детских мечтаний, и добралась до конца школы, когда уже была жёстко поставлена перед выбором профессии, будучи в полной прострации. Вдруг я осознала, что понятия не имею, чем я хочу заниматься в жизни.

Почему-то поступила в Автодорожный техникум. И только сейчас, когда я пишу эти строки, я поняла, что тогда я была максимально близка к своей самой первой детской мечте... Хотя экскаваторщицей я так и не стала.

А ещё мне вспомнилась мечта стать писательницей. Первые сказки я сочиняла, ещё будучи в детском саду, но они так и не были записаны, хотя я их и рассказывала своей лучшей подруге.

Эта мечта проходила через все этапы детства, но она была настолько эфемерной, с одной стороны, и неотъемлемой потребностью интроверта поделиться своими мыслями с другими, с другой стороны, что я так ни разу и не удосужилась взглянуть на неё осмысленно...

Голубая кровь

Моё первое знакомство с этими десятиногими моллюсками произошло в собственной ванной комнате в восьмилетнем возрасте. Я, ничего не подозревая, захожу туда, а в самой ванной лежит это огромное чудище морское, неясного розово-голубо-бежевого оттенка, прямоугольной формы, с большим количеством голов и конечностей. Я тихо, молча попятилась к выходу и также медленно и не дыша прикрыла за собой дверцу поплотней и удалилась на безопасное расстояние...

Предыстория этого триллера такова. В наш небольшой дальневосточный городок завезли в магазин необычный продукт питания. Морепродукт. В те годы, когда особо и выбора продуктов не было... Завезли, значит надо брать. Продукт продавался замороженными прямоугольными параллелепипедами без какой-либо упаковки, то есть брикетами по десять килограммов. Потому как такие громоздкие геометрические формы ни в какие авоськи не помещались, то и покупатели просто заключали их в объятия и так и несли...

Дело было зимой, пока везли его домой, брикет всё время норовил выскользнуть из тёплых папиных рук и уплыть в пучину морскую, то есть в салон трамвая. Наверное, со стороны это выглядело комично, но маме с папой было совсем не до смеха.

Наконец, когда они добрались домой, с облегчением отправили это замороженное квадратное чудовище в ванную, чтобы, разморозив, разделить его на порции и опять заморозить на балконе. Наблюдали при этом, как из чудовища сочится голубая кровь.

Именно в этот момент я и оказалась в ванной.

Пробовать кальмаров я категорически отказалась по причине полученной психологической травмы от увиденного.

Мои ощущения ужаса добавила газетная статейка, прочи-

танная вслух на досуге кем-то из членов семьи. В ней шла речь о шестнадцатиметровом кальмаре-монстре, с которым самоотверженно сражались рыбаки в лодке, едва оставшиеся в живых в неравной схватке.

Рыбакам удалось убить монстра, и они с отвращением и ужасом увидели, как из убитого чудовища сочилась голубая кровь.

Надо ли добавить, что этот замечательный продукт никогда не являлся желанным гостем в моей тарелке?

Мой дворик детства

Когда мне было пять лет, моя семья получила квартиру в пятиэтажном и восьмиподъездном доме. День переезда был наполнен радостным ожиданием чего-то нового, волшебного, необычного. Когда сестра меня забирала из детского сада, в тот день она мне заговорщицки шепнула, что «у нас будет балкон!», и я вприпрыжку побежала домой. Мы с бабушкой приехали самыми первыми в квартиру, свет почему-то был только в одной комнате. Балкон был наглухо закрыт – стояла ранняя весна, и было слишком холодно, чтобы «впечатлеться» балконом, но я смирилась с запретом. Я весело носилась по огромной пустой трёхкомнатной квартире и обнимала пластмассовую куклу Олю в нарисованном купальнике, пока не опустились сумерки и страх темноты вынудил прийти в единственную освещённую комнату, поближе к бабушке. Но то ли от избытка нахлынувших впечатлений, то ли от собственной чрезмерной активности я быстро устала и уснула.

Дом был совершенно новый в новом большом микрорайоне, и дворик там ещё только намечался. Во дворе лежали груды круглых валунов и строительной гальки, и гулять можно было только на небольшом пяточке, рядом с подъездом и скамейками. Вот там я и встретила свою первую настоящую подругу. Она тоже гуляла с бабушкой, а мы были почти ро-

весницами (я старше на целых полгода!), и мы вместе с Оксаной пытались взгромоздиться на горку из камней. Сначала лазали молча и параллельно. Потом понравились друг другу и стали неразлучны. Наши бабушки тоже стали добрыми подругами.

С обратной стороны дома, куда выходили наши окна из спальни и зала, было настоящее озеро. И, судя по всему, достаточно глубокое, потому что подростки плавали по нему на настоящих плотках. Кому сейчас расскажешь, ведь не поверят! Сейчас там дорога. Нашу лужу довольно долго и не очень успешно осушали. Заваливали гравием, песком, там работали экскаваторы – целое представление прямо из окон наших комнат! Потом клали асфальт, закатывали его катком – можно было часами смотреть, как интересно происходит разравнивание ландшафта.

Мы росли, и вместе с нами рос и облагораживался наш дворик. Там появились песочницы, над одной из них вырос огромный деревянный гриб. Рядом с другой соорудили деревянную горку. Помню, как в одно лето наш городок накрыло сильнейшим ураганом и я наблюдала из окна кухни, как нашу деревянную горку ураган корёжил и ломал на крупные куски и щепки, а потом и вовсе оторвал от земли. Бедная горка, разделённая на фрагменты, летала по всему двору. Потом установили железную... Цельного листа железа для скользящей поверхности горки, видно, не нашлось, и сварочный шов был сделан почти посередине горки и создавал

весьма неприятные ощущения, когда девочки катались в летних платьицах...

Возле каждого подъезда (а подъездов было восемь) установили изгородь для палисадников. Жители дома по собственной инициативе весной вскапывали землю, сеяли цветы, сажали деревца. Бабушки следили за цветами, охраняли их от мелких хулиганствующих подростков. Бабушка Вера – бабушка моей подруги – лично следила за порядком в нашем палисаднике и гоняла нас, когда мы забавы ради срывали попушки цветов и брызгались ими, сильно сдавливая меж пальцев.

Почти на каждой лавочке возле подъезда вечерком собирались старушки, обмениваясь новостями.

Мой пятый подъезд был центральным и особенным. Когда во всём доме перекрывали воду, именно к нашему подъезду сходилась весь дом с ведёрками и бидончиками для воды – у нас был кран, откуда жильцы всего дома могли набрать воды.

А ещё у нас был выход на противоположную сторону улицы. Наверное, чтобы предотвратить лишнее хождение через наш дом – дверь была вскоре забита, но там оставалось небольшое пространство и ступеньки. И детвора постарше частенько устраивала там детские спектакли. Зрители, что поменьше и поскромнее, сидели на ступеньках и заморожено любовались устроенным зрелищем.

Двор был всегда оживлённым. Летом все дети от мала до велика носились по своим детским делам, придумывая но-

вые игры.

В новом деревянном домике мы с Оксаной и встретили Олю. С тех пор уже дружили долго втроём.

Зимой, особенно когда выпадал первый пушистый снежок, многие жильцы выносили на снежок свои половички и дорожки, дети весело купали их в снегу, били по ним выбивалкой, выбивая в снег пыль, а потом вытряхивали их в четыре руки, жмурясь от снежных брызг.

Во двор часто выплёскивались гуляющие свадьбы, ребята веселилась вокруг.

Там же мы провожали в последний путь наших стариков, оплакивая их всем двором.

Недавно моя одноклассница по моей просьбе сделала для меня несколько фотографий нашего двора и моего подъезда. И тоской защемило сердце. Это был не тот дворик... Там был пустырь, заросший сорняком! Ни песочницы, ни горки, ни лавочек, ни палисадников... В каждом подъезде железная дверь с кнопками. На всех окнах первого, второго и даже третьего этажей – решётки. Оно понятно почему – в девяностых годах не было в нашем доме ни одной квартиры, которая бы не пережила квартирное ограбление. Сия чаша не миновала и нашу квартиру, хоть мы и были на втором этаже – к нам залезали через форточку. Я честно рассказала однокласснице про свои ощущения от увиденного – она, наверное, обиделась, вышла из друзей...

Мой двор мне больше не снится, но в моей памяти он

останется той частичкой ушедшего детства, с содранными коленками, гулянием до темноты, игрой в «Халихоло», беспечной радостью в ситцевом платье.

Не в первый раз

31 августа 1979 года мама дала мне деньги и наказала купить цветы для школы. Я узнала, что неподалеку от нас организовали цветочный киоск, пошла туда и довольно долго (около сорока минут) отстояла в очереди, чтобы купить три красных бутончика на тонком колючем стебле.

Утром первого сентября мама собрала меня в школу, вручила цветы, папа отвёл к школе. Я уже была второклассницей, и, само собой подразумевалось, что я знаю, что цветы надо вручить своей учительнице, но никто меня об этом не посчитал нужным оповестить, так как я была уже не первый раз и не в первый класс.

Первый свой день в первом классе я помню смутно – была какая-то толпа, долгое стояние перед школой (линейка), потом пришли взрослые (старшеклассники), взяли за руку, отвели в мой класс и посадили за стол. Кому и при каких обстоятельствах я вручала цветы и по чьей подсказке, не спрашивайте – абсолютно не помню! Помню, что была какая-то суматоха, какие-то непонятные речи, дети разных возрастов, много цветов, страх неизвестности и жуткое волнение. Тот день прошёл как беспокойный сон, похожий на сшитое из разноцветных заплаток одеяло.

Мой первый «Е» класс был расформирован, и часть детей были переведены в другую школу, ближе к месту житель-

ства. Я осталась в своей школе, но уже была приписана ко второму «А». Многие мои одноклассники тоже были в этом классе, и я чувствовала себя в своей тарелке.

Я уселась со знакомой девочкой за первую парту, как раз напротив учительского стола.

Все четыре урока я просидела с положенными прямо перед собой розочками. Иногда учительница странновато косилась на мои цветы, но, видимо, из деликатности не посмела мне объяснить, кому назначалось отдать букетик. Закончив уроки, я, вздохнув, потому что так и не узнала, для кого цветы, собрала портфель, цветочки и пошла с ними обратно домой.

Цветы не успели завянуть за четыре урока, и дома я поставила их в вазочку. Мои домашние очень удивились, увидев цветы. Посмеявшись над моей несмышлёностью, объяснили, что цветы надо было подарить учительнице. Что ж вы мне раньше-то не сказали! Не понесу же я их обратно...

Так и стояли мои розы у меня на глазах дней семь, негласно напоминая мне о моём невыполненном долге. Но потом они благополучно завяли, и вместе с этим улетучилось безвозвратно и моё гадковатое чувство вины.

Нежданный гость

Прихожу я однажды из школы домой (четвёртый класс приблизительно), открываю дверь своим ключом, а там! О ужас! Стоят незнакомые оленьи женские унты в прихожей, какое-то чужое пальто висит на вешалке! Я замерла, едва дыша от страха, сердце бешено заколотилось... Потом тихохонько так, на цыпочках, «невидимкой» просочилась к двери своей комнаты... Ё-мое! Она закрыта!

В квартиру нашу, значит, прорвался грабитель... женского пола и там за дверью моей притаился... Счас кааак нападёт на меня с пистолетом или с ножом. Неее, так дело не пойдёт – надо драпать отсель поскорей!

Я портфель в охапку (ещё украдут!), разбалакаться ещё не успела и ветром назад за дверь! Сбежала со второго этажа. Иду, размышляю...

«Холодно гулять да прохлаждаться тут, чай не лето... Может, милицию вызывать? О, надо маме позвонить, она на работе сейчас».

Поскребла, нащупала две копейки в кармане. Иду к телефонной будке...

– Галину Ивановну можно к телефону?

– Мам! У нас в квартире кто-то чужой, и пальто там, и унты чьи-то...

Мама рассмеялась в трубку.

– Всё нормально, это Лена с Магадана прилетела сегодня на самолёте. Она мне позвонила, папа с работы на аварийке приехал, дверь ей открыл.

Фух! И стыдно, и смешно стало. Лену, двоюродную взрослую сестру, я обожала, она такая красивая и добрая. И меня, неказистого подростка, всегда выслушивала с интересом и понимала.

Эх, ну и трусиха я! Такого себе нафантазировала... Сама себя накрутила и до смерти напугала. У страха глаза-то, ух, как велики!

Поле́м вдоль берега крутого...

Наш «А» класс всегда был разобщённым. С годами мы не становились не ближе, не дружнее, джентльменства не было в помине, мальчиков лояльных к девочкам по пальцам можно было пересчитать. По крайней мере, до восьмого класса (я окончила только восемь). Чем старше мы становились, тем больше копились какие-то старые обиды, непонимание, эгоизм, юношеский максимализм...

Но был в нашей истории класса короткий период единения душ, коллективного искреннего патриотизма, когда мы вдруг почувствовали себя единой командой.

В третьем классе мы готовились к празднику песни и строя, который должен был произойти в день Советской Армии, 23 февраля. На уроке пения и ритмики мы разучивали песню с нашей учительницей Розой Андреевной и аккордеонистом Виктором Сергеевичем. Роза Андреевна написала текст песни на доске. Аккордеонист проиграл мелодию.

Песня разучивалась легко, сначала шла нестройным хором, а потом всё увереннее и мощнее. Думаю, что всё дело было в песне – она прежде не была нам знакома, стихи легко запоминались, и она имела столь сильную энергетику, что сумела зажечь наши ещё не испорченные системой и взрослением сердца.

Когда мы пели «Поле́м вдоль берега крутого», мы чув-

ствовали себя настоящими солдатами: сильными, отважными, защищающими свою Родину, и песня разливалась по классной комнате и творила настоящее волшебство единения.

Потом мы долго учились маршировать строем по спортзалу школы, чеканя шаг под нашу песню, и именно песня-марш и ее слаженное и ритмичное исполнение помогали нам идти синхронно и не нарушая строй.

Когда настал сам праздник, наш класс был воодушевлён, позитивно заряжен, и никто не сомневался в победе.

Наступила наша очередь. Мы так браво и красиво прошли единым организмом, так серьёзно и так искренне спели, получая удовольствие от самого процесса, гордясь быть вместе, что даже было немного жаль, что наш проход так быстро закончился.

Когда прошли классы «Б», «В» и «Г», жюри, подсчитав результаты, вынесло вердикт. Наш класс занял первое место!

«Уррраа!!!» – радостно вырвалось из нас и полетело над нашими головами.

Потом это сладостное чувство эйфории ещё продолжалось какое-то время по инерции. Мы ещё дружили, поддерживая друг друга какое-то время, но после... чувство плеча выветрилось, растворилось в школьных буднях и испарилось как дым.

Только тогда, когда где-то по радио исполняют НАШУ песню, вспоминаются наш третий класс и наша победа.

Пытливый ум

В четвёртом классе я начала искать информацию «про это». А так как информация такого рода в восьмидесятых носила довольно засекреченный характер, я стала искать её в недетских журналах. И нашла!

Статья «После свадьбы» была обнаружена мною в свежем журнале «Здоровье». Старшая сестра, застукав меня за прочтением запретной, по её мнению, для моего возраста литературой, пожаловалась отцу и попросила его спрятать от меня журнал. Они собирались вместе куда-то уходить, журнал припрятали и ушли. Я была раздосадована, но спорить не стала.

Теперь у меня разыгрался спортивный интерес и родился в голове коварный план: найти, прочитать и вернуть на место. Ибо ничто не может вызвать у подростка такой мощный живой интерес, как запрет.

Оставшись одна, я прибегла к методу Шерлока Холмса, типа «если бы я сам был убийцей, где бы я спрятал труп». Я представила себя отцом, можно сказать, надела на себя его фантом, включила его сознание, его глазами вновь осмотрела комнату, закрыв от меня которую было осуществлено сокрытие «секретных материалов».

Я подумала, куда я могла бы спрятать вещь от подростка, будучи взрослым папой. «Повыше и замаскировав свер-

ху газетами» – родился в голове почти мгновенный ответ. Я встала на табурет, протянула руки к шкафу и вытащила секретный журнал.

Я сама была ошеломлена внезапным успехом метода дедукции. Впоследствии пользовалась им не раз и весьма успешно, и вам рекомендую, кстати.

К слову сказать, с того памятного дня мною был поднят весь хранящийся в доме многолетний архив вышеуказанного издания, тщательно перелистаны все страницы, отобраны в сторону и внимательно изучены все статьи на интересующую меня тему.

Так что даже не пытайтесь воспрепятствовать изощённому уму подростка в получении нужной информации...

Глава третья

Мамины рассказы

Колька и

Лёнька

Семья мамы в военные годы жила в небольшом домишке. Крышу дома в связи с нехваткой строительных материалов крыли пластами из коры деревьев. Стелили внахлёт, закрепляли. Но ребятишки часто залезали на невысокую крышу, ходили по ней, отчего крыша деформировалась и уже не была надёжной, протекая в дождливую погоду. А руки и ноги детворы от коры ранились множеством заноз и ссадин. И всё равно детей это не останавливало.

Отец Иван Фёдорович был на войне, а война была где-то очень далеко. Мать Анастасия Михайловна – на работе в совхозе. Детишки от мала до велика, хоть и были каждый представлен к хозяйственным работам по силам и по возрасту, большую часть времени были предоставлены сами себе под незначительным приглядом слепого доброго дедушки Фёдора Филипповича.

Как-то стоял маленький четырёхлетний Коля, мамин брат, возле своей калитки. Мимо проходил деревенский му-

жик. Увидел мальчика и спрашивает: «Как зовут-то тебя?» – «Николай Иванович», – по-взрослому представился пацанёнок. – «Как дела у тебя, Николай Иванович?» – «Да дела-то ничего, да только крыша худая, да ноги кривые», – поделился наболевшим маленький мужичок.

Фраза стала крылатой, её передавали из уст в уста по деревне. Теперь уже частенько подходили мужики к пацанёнку: «Здравствуй, Николай Иванович» – пожимали ладошку. – «Как дела у тебя?»... И Николай в сотый раз повторял когда-то вылетевшую из его уст искреннюю реплику о самых больших проблемах в жизни четырёхлетки военного времени: «Крыша худая, да ноги кривые».

Лёне, моему родному дяде, тогда было только три года. Серьёзный такой, маленький мужичок, придумал себе игру, что он приходит в гости в свою же избу в качестве Игната или Аполлона (братьев отца).

Берёт котомку или узелок: «Мать, положи мне, чего там надо». Моя бабушка, мать Лёни, кладёт туда хлеба краюху, картошину, кусок рафинада, заботливо заворачивает.

Лёня быстро набрасывает на себя детское пальтецо, хватая свой узелок, и за дверь. Стучится.

«Можно! Заходи!» – откликаются на стук родители. Лёня заходит, важный такой. – «Ну, даствуйте!» – садится на стульчик, деловито забрасывает ногу на ногу, понарошку закручивает полую самокрутку. «Как живёте-то?» – мать с отцом едва сдерживают смех, но вслух смеяться нельзя – мужичок обидится.

«Да ничего, Игнат! Сам-то как живёшь? Ты по делам приехал или как?» (И не дай бог не угадать, а вдруг он Аполлон... Тогда рассердится, рванёт снова за дверь, и начнётся всё сызнова).

«Да хорошо дела-то, – отвечает “Игнат”. – Только вот наводнение было. Дак уборную унесло. Теперь в кусты ходим», – придумал сюжет на ходу Леонид, вспоминая недавно краем уха услышанное нечто подобное из уст взрослых.

Однажды мать, утомившись от повторяющихся «приходов гостя», на стук в дверь ответила «нельзя!». А это оказал-

ся не Лёнька, а уважаемый в деревне человек. Неудобно перед ним было, пришлось извиняться, рассказывая про игру, которую затеял младшой сынок.

Подготовка к свадьбе

Николай и Петя готовились к свадьбе Пети загодя, недели за две. Они были двоюродными братьями и добрыми приятелями, им обоим было по двадцать с хвостиком.

Коля был невысокого роста, коренастый, крепкий, пружинистый, с пронзительными карими глазами и заливчатским волнистым каштановым чубом, который он часто небрежно откидывал назад ладонью.

Петя – полная ему противоположность: высокий, худой как жердя, курчаво-белокурый, голубоглазый и добрый...

Дело было в начале шестидесятых. На маленькой летней кухне был установлен самогонный аппарат и заранее припасено сырьё.

Процесс протекал небыстро. Зелье капало по чуть-чуть в приготовленную кастрюлю и затем разливалось по большим зелёным бутылкам с широким горлом через алюминиевую воронку.

Крепость самогона определяли сами, на глаз, вернее, на язык, набрызгав по несколько грамм в детских размеров эмалированные кружки. Символически чокались, глядя друг на друга, довольные, что всё идет по плану. Дегустировали добросовестно, каждую новую партию, без закуси, занюхивая рукавом. Время уже перевалило далеко за полночь, и у обоих братьев отчаянно засосало под ложечкой.

Освещение на кухне было не ахти какое – малюсенькая лампочка в углу. На припечке стояла какая-то кастрюля. Пётр сунул туда ложку и попробовал на вкус её содержимое. «Борщ вроде», – заплетающимся языком заключил он. И, обрадовавшись, парни навернули досыта того «борща».

Только ранним утром выяснилось, что в ту кастрюлю слиты были пищевые отходы, предназначенные для поросят. Там были остатки от супа, каши, картофельные очистки. А так как стояли они на припечке, то были тепловатыми и слегка томились...

Слух о ночной трапезе со смешками и прибаутками быстро добрался до Петиной невесты. Чудесная девушка Тоня не могла смириться с позором. «Не быть нашей свадьбе!» – как отрезала.

Петя был в отчаянии. Николай переживал, что вся работа насмарку... На семейном совете решали, как поступить. До заветной даты оставалось меньше недели. Собрались отцы Петра и Коли – Иван и Игнат – и отправились в дом невесты, прихватив с собой провинившихся и кающихся самогоноваров.

Беседа была непростой. Увещевали, мол: «пойми ты, девка, мужики всю ночь дегустировали, уставшие были, после работы. Ну проголодались, ну не знали, что за кастрюля, прости дураков!»

Уболтали. Плакала. Простила. Передумала. Любила.

А там и свадьбу деревенскую сыграли. Но нет-нет, да

всплывёт тот памятный казус. «Ну как с таким целоваться?!
Ведь свинячью еду умял и не побрезговал!» Пётр при упо-
минании краснел, Тоня сердилась, а родня покатывалась со
смеху.

Колобки

Нас, детей самого раннего возраста, на Дальнем Востоке одевали зимой как колобков: непременно две или три кофты, колготки и рейтузы, а то и двое, шерстяные носки, шапочка на резинке, на резиночках также были и рукавички (а как же, чтоб не потерять!), сверху тёплая шаль, которая надевалась на голову и ещё перевязывалась на поясе, шубка, ну и валенки, куда же без них!

Двигаться и играть, будучи таким колобком, было трудно, поэтому мы ходили медленно и быстро уставали, потому что любое движение требовало невероятных физических усилий: руки в шубейке почти не сгибались.

Однажды мама, проходя мимо яслей, увидела, как на прогулку вывели таких колобков. На улице было морозно и скользко. Колобки в хаотичном порядке попадали на снег, воспитательница бросилась их поднимать...

Пока она поднимала одних, большими бусинами рассыпались по притоптанному снегу другие. Когда она поднимала

вторую партию, опять скользили и падали, сделав шаг, первые.

Они не плакали: слои одежды прекрасно смягчали от ударов при падении. Воспитательница так и сновала между десятью ребятишками, пытаясь хоть как-то организовать это броуновское движение, но строя не получалось, а бусины всё чебурахались, и мама, невольная свидетельница этого представления колобков, не могла не расхохотаться.

Глава четвёртая

Девяностые

Ввиду равнодушия...

Натаха, с ласковым прозвищем «воробей», пышка, «метр в прыжке», как шутили о ней однокашники, пятнадцати лет от роду, давно созрела для любви.

В почти женском учебном заведении объекта для пылкой юной страсти она себе не присмотрела и взор свой направила за пределы стен нашей альма-матер. Уж не знаю, где и при каких обстоятельствах она успела познакомиться с местными ребятами, но вся эта история началась именно с неё.

Нас в комнате было четверо, мы, давно уже приготовившись ко сну, улеглись, хотя ещё не спали. Порядки у нас были почти казарменные, а отбой – ранним.

Окошко слегка зазвенело – с улицы кто-то бросил в него камешек. На улице стояли двое парней, маленького роста и вполне безобидного вида. Как выяснится позже, один из них и был знакомый Натахи-воробья, а второй – его приятелем.

Мне не было дела до этих незнакомых пацанов, и к Натахиным томлениям я относилась прохладно, но, однако, я поднялась, чтобы помочь подругам. А подружки уже связы-

вали в одну верёвку три или четыре простыни вместе и бросали этот спасительный трос тем странным субъектам...

До сих пор ума не приложу зачем... Видимо, Натаха-воробей их упросила. А я просто присоединилась, чтобы девочкам было легче держать верёвку.

Поднявшись, джентльмены откланялись и удалились, утонув где-то в тёмных недрах нашей засыпающей общаги. Вернулись они минут за пять перед нашей официальной побудкой. Мы очень быстро, в восемь девичьих рук, таким же макаром с помощью связанных простыней спустили их обратно...

Прошла тихо неделя. И вдруг...

Ранним утром нас будит комендант общежития (тётя Хая в просторечии) Валентина Ивановна и требует от нас, чтобы мы немедленно собирали вещи как кандидаты на отчисление. Как гром среди безоблачной синевы!

Спросонья, в замешательстве мы пытаемся выяснить причину немилости...

Комендантшу понять было непросто: при её генеральских замашках, зычном голосе и скорости речи она страшно заикалась. Кто-то из нас пустил слезу. Я-то точно прослезилась – отучились мы всего месяц, и так хорошо всё шло! Мне нравились и учёба, и соученики, и преподаватели, так было обидно!

А дело оказалось вот в чём... Те парни, которых мы затащили через наше окно, ходили по мужскому этажу ночью и

пытались вымогать, а может, и вымогли-таки у пятнадцатилетних учащихся деньги. Вот так мы стали соучастниками. И ничего не утаилось от коменданта – у нашей тёти Хаи были свои осведомители.

С мокрыми глазами и хлюпающими носами мы отправились к завучу училища. Зашли в её кабинет всем скопом, винулись и чистосердечно каялись в содеянном. Ревели навзрыд.

Неожиданно быстро нас простили. Просто устроили нам предварительное представление, чтобы слегка припугнуть и пожурить.

«Идите, – сказала примирительно завуч, – пишите объяснительную! До первого замечания!» Не веря в свалившуюся с небес милость руководства, осушив рукавами заплаканные лица, мы немедля рванули обратно в комнату писать коллективную объяснительную.

Лично мне в голову ничего вразумительного, что могло бы нас оправдать, не приходило.

Ручку взяла Маринка, самая старшая из нас. И решительно начала выводить буквы по вырванной из тетради странице, озвучивая написанное.

«Ввиду равнодушия ко всему живому...»

Мой литературный склад ума отчаянно сопротивлялся такой нелепой формулировке. Это было глупо, по-детски, но смешно до колик!

Теперь мы все уже вчетвером хохотали. Так, гогоча, со

слезами теперь уже от смеха мы кое-как досочиняли объяснительную записку завучу. Этот странный документ (эх, жаль, не сохранился у меня весь текст для потомков) был пронизан духом «любви к ближнему» и наивной детской доверчивостью.

Мы поставили под письмом свои четыре подписи: сначала инициатор сего опуса Маринка, потом влюблённая Натаха, потом Натахина землячка Светка и, совсем не слегка колеблясь, я.

Как бы странно это ни было, но письмо у нас было принято, и никто не потребовал его переформулировать.

Я только представила, как, должно быть, смеялась до слёз завуч, читая эту записку вслух своим коллегам.

Гамарджоба

В моём маленьком дальневосточном городке полгорода были подключены к кабельному телевидению, и вторая половина подключались к этой самой первой половине пиратским способом – с помощью медных проволочек. Официальное телевидение было неинтересным, а на кабельном было что посмотреть!

Однажды я смотрела очередной шедевр по кабельному, и вдруг по экрану пошла подозрительная рябь, и изображение стало мутноватым. Почувяв неладное, я выглянула за дверь своей квартиры. Там здоровенный грузин, открыв дверцу электрощита, чего-то там мастерил... Я сразу поняла, что новые соседи, жившие на съёмной квартире, небезуспешно «садятся на хвост» моего кабеля.

К скандалам я не склонна – всё перевела в шутку, так я познакомилась с сёстрами Розой и Мзией, их подружкой Мананой и братом Имзаром.

Они все были тогда молодые, холостые, в нашу промозглую даль они приехали из солнечной Грузии, чтобы получить высшее образование, – наши цены тогда ещё позволяли им учиться, тогда как в родной стране уже были неподъёмными, а политическая ситуация была очень напряжённой. Они снимали квартиру, работали и все учились: кто на очном, кто на заочном отделении.

Ко мне они относились трепетно. Говорили, что у них в Грузии сосед – лучший друг, его всегда в гости позовут, на лучшее место за столом усадят, лучшие лакомства поднесут. А так как собирались за большим дружным столом они часто – то и меня они регулярно приглашали на свои весёлые праздники.

Стол ломился от традиционных национальных грузинских блюд и добрых вин (в девяностые!).

За столом было принято произносить красноречивые и длинные тосты. Бывало, произносит гость тост: говорит по-грузински много, витиевато, с оборотами речи, с активной жестикуляцией и сменой ритма, минут так на семь... Так как я была единственная, кто ничего не понимал, для меня коротко переводили – «это был тост за родителей!». Ну, и мне ничего не оставалось делать, как довольствоваться столь ёмким переводом.

От своих новых соседей я научилась нескольким грузинским словам, традициям, узнала их политические пристрастия, с удивлением узнала, что там до сих пор существует такое явление, как кража невесты, и не понарошку, а по самому что ни на есть по-настоящему.

Одна из их сестёр, которая жила отдельно с мужем и двумя детьми, с прекрасным именем Мзия, что в переводе с грузинского означает «солнце», с огромными, но полными печали глазами, была украдена собственным мужем. Мзия тогда была влюблена и готовилась к свадьбе, но совершенно

чужой и почти незнакомый парень украл её прямо на улице, связав, посадил в машину и привёз к себе домой. Он был благороден. Мзию не обижал, пальцем к ней не притронулся, просто пару дней продержал у себя дома. Этого было достаточно, чтобы опорочить доброе имя девушки и отвлечь от неё её жениха и семью жениха. Чтобы сохранить честь, Мзия была вынуждена выйти замуж за нелюбимого. Теперь и её семья поторопилась поскорее выдать её замуж, дабы избежать позора. Так и создали семью.

Волоокая Роза ходила в чёрном – несколько месяцев назад разбился на мотоцикле её жених. Она была душой этой семьи – яркая, быстрая, дружелюбная, именно она проявляла заботу о каждом члене семьи, о каждом госте, и я полюбила её как добрую и открытую подругу.

Я, влюбившись, довольно неожиданно и моментально, собрав свои вещи, покинула свой родной город и до сих пор не возвращалась туда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.